

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

Судебно-психологическая экспертиза при спорах родителей о воспитании ребенка: понятия «привязанность» и «отношение»

О.Ф. Савина¹✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация

✉ psyhol1@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В настоящее время растет число назначаемых комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по судебным спорам родителей о воспитании ребенка, расширяется спектр задач, которые ставятся перед психологом. Несмотря на наличие единого методологического подхода, при производстве данного предметного вида судебно-психологической экспертизы содержательное наполнение заключения, используемая терминология определяются экспертами индивидуально, что определяет актуальность ревизии и уточнения категориального аппарата, специфичного для таких экспертиз. **Цель.** Коррекция содержания и экспертного значения психологических понятий судебно-психологической экспертизы по спорам родителей о воспитании ребенка. **Результаты.** Применительно к запросам судебно-психологической экспертизы обобщены научные представления о понятиях «привязанность» и «отношение»; проанализировано их психологическое содержание с учетом истории и актуального состояния вопроса; выделены отвечающие методологии и задачам экспертного исследования принципы систематизации, классификации и оси анализа указанных категорий. С проекцией на экспертные задачи обозначено смысловое поле понятий, их пересечение; исследованы терминологические особенности и объяснительный потенциал данных категорий, возможности их использования в экспертной методологии при спорах родителей о воспитании ребенка. Предложены основания экспертной оценки детско-родительских отношений при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. **Выводы.** На основании проведенного анализа обоснованы приоритеты экспертного использования категорий «привязанность» и «отношение» при оценке детско-родительских отношений.

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам родителей о воспитании ребенка, привязанность, психологическое отношение, психологические понятия, критерии экспертной оценки

Финансирование. Исследование проведено в рамках Государственного задания № 124020800063-2 «Интегративные модели судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз в гражданском процессе, проводимых в интересах наиболее уязвимых групп населения» (2024—2026).

Для цитирования: Савина, О.Ф. (2025). Судебно-психологическая экспертиза при спорах родителей о воспитании ребенка: понятия «привязанность» и «отношение». *Психология и право*, 15(2), 19—33. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150202>

Forensic psychological examination in disputes between parents about the upbringing of a child: the concepts of “attachment” and “attitude”

O.F. Savina¹✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ psychol1@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Currently, the number of comprehensive forensic psychological and psychiatric examinations is increasing in judicial disputes between parents about the upbringing of a child, and the range of tasks assigned to a psychologist is expanding. Despite the existence of a single methodological approach, in the production of this subject type of forensic psychological examination, the content of the conclusion and the terminology used are determined by experts individually, which determines the relevance of the revision and clarification of the categorical apparatus specific to such examinations. **Goal.** Correction of the content and expert significance of psychological concepts of forensic psychological examination of disputes between parents about the upbringing of a child. **Results.** In relation to the requests of forensic psychological examination, scientific ideas about the concepts of “attachment” and “attitude” are summarized; their psychological content is analyzed, taking into account the history and current state of the issue; principles of systematization, classification and axis of analysis of these categories that meet the methodology and objectives of expert research are highlighted. With a projection on expert tasks, the semantic field of concepts and their intersection are outlined; the terminological features and explanatory potential of these categories are investigated, as well as the possibilities of their use in expert methodology in disputes between parents about the upbringing of a child. The reasons for the expert assessment of child-parent relations in the course of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination are proposed. **Conclusions.** Based on the analysis, the

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

priorities of the expert use of the categories “attachment” and “attitude” in assessing child-parent relations are substantiated.

Keywords: comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of judicial disputes between parents about the upbringing of a child, attachment, psychological attitude, psychological concepts, criteria of expert assessment

Funding. The study was conducted within the framework of the State Task No. 124020800063-2 “Integrative models of forensic psychiatric and complex psychological and psychiatric examinations in civil proceedings conducted in the interests of the most vulnerable groups of the population” (2024—2026).

For citation: Savina, O.F. (2025). Forensic psychological examination in disputes between parents about the upbringing of a child: the concepts of “attachment” and “attitude”. *Psychology and Law*, 15(2), 19—33. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150202>

Введение

В настоящее время наблюдается стремительный рост числа комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) по судебным спорам родителей о воспитании ребенка. Несмотря на ограниченную вариативность правовых квалификаций с соответствующей им системой экспертных понятий (Сафуанов, 2014), отмечается потребность судебных органов получить больше информации по результатам экспертизы для принятия и обоснования своих решений, что приводит к расширению, конкретизации и детализации экспертных заданий, вынесению в них частных феноменов из исследовательской части заключений. Особое место в постановлениях о назначении экспертизы отводится уяснению привязанности ребенка. Часто опуская вопрос о способности детей к самостоятельному приятию решения о месте проживания, суд неизменно и в разных формах требует от психолога расставить приоритеты при анализе привязанностей ребенка: к кому из родителей ребенок «привязан больше», а еще лучше — представить в количественном выражении (например, процентном соотношении). Это определяется законодательными ориентирами в структуре специальных познаний юристов, для которых одним из важнейших критериев при определении порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем, наряду с соблюдением интересов, является его мнение, которое раскрывается законодателем преимущественно через привязанность к близким родственникам. Однако в понятие «привязанность» носители языка, юристы и психологи вкладывают различное содержание. В качестве методологически обоснованной альтернативы психологи используют экспертное понятие «отношение», но оно нередко остается для правоприменителя вторичным, а для психолога не исчерпывается триадой «позитивное—нейтральное—негативное», имея более широкое и дифференцированное, но несколько размытое смысловое поле. Трудности взаимопонимания специалистов, а также отсутствие единообразных критериев отношения обуславливают необходимость обсуждения и анализа данной проблемы, уточнения содержания психологических категорий, которые в данном предметном виде КСППЭ часто не могут быть продуктивно освоены только в рамках клинической психологии. В то же время утилитарность задачи подразумевает не разработку принципиально новых уникальных классификаций, а поиск и адаптацию методологически близких и адекватных для целей КСППЭ научных представлений. Цель настоящей работы — коррекция содержания и

экспертного значения психологических понятий КСППЭ по спорам родителей о воспитании ребенка.

Материалы и методы

Было проанализировано 105 заключений КСППЭ по спорам родителей о воспитании ребенка, проведенных в ФГБУ «Национальный медицинский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, выделены проблемы описания феноменов привязанности и психологического отношения и их использования при решении экспертных вопросов. Проанализированы и обобщены научные работы по теме психологии привязанности и психологии отношений в контексте использования их категориального аппарата при оценке детско-родительских отношений в рамках КСППЭ.

Результаты

Категория привязанности. Слово привязанность является общеупотребительным, оно существовало в языке задолго до появления психологических теорий и формулирования современных законодательных актов; любому интуитивно понятен и феномен привязанности, общий для разных культур. В древнегреческом языке привязанностью (*στορυή*) называли один из четырех видов любви — семейную, родственную любовь, которую испытывают друг к другу дети и родители. В латыни «*affection*» — намерение; любовь, расположение, пристрастие; родство; состояние, отношение. В англоязычной традиции «*affection*» стало употребляться с XIV века, имело первоначально только прямое значение «присоединить что-то к чему-то». В русском языке — чувство близости, основанное на преданности, симпатии кому-чему-либо (Ожегов, 2025)¹. Привязанность восходит к корню «связ/вяз», не имеет прямого пересечения с обозначениями эмоций (наиболее близко к немецкому языку — принадлежность, связь). Привязанность можно иметь как к живому человеку, так и к вещи или собирательному образу (стране, традиции и др.). Обычно привязанность противопоставляется влечению, как отношение и поведение без сексуальной составляющей. С позиции носителя языка и обыденного сознания привязанность является глубинным, устойчивым и слабо рефлекслируемым образованием, преодолевающим нестабильность эмоций, чувств и даже отношений. В такой парадигме смыслов, например, у ребенка может быть позитивное отношение к родителю, с которым интересно, или дающему материальные блага, а привязанность — к тому, с кем комфортно и стабильно, с кем есть эмоциональная общность, хотя это обычно не осознается, поскольку привычно и не составляет предмета анализа. Чем старше возраст, тем более опосредованы отношения человека — его ценностями, эгоцентрическими интересами, опытом, требованиями, ожиданиями; следование же привязанности дает уверенность в безусловной поддержке и принятии (феномен всепрощения родителей). Отношения могут меняться в зависимости от чувств от любви до ненависти и обратно, нарушить же привязанность сложно, а восстановить, скорее всего, невозможно. Исследования показывают, что юристы понимают привязанность близко к общеупотребительному контексту (Русаковская и др., 2008), и, формально принимая отказ психолога-эксперта определять степень привязанности, они не видят для него причин.

¹ *Привязанность*. [б. г.]. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23671> (дата обращения: 30.01.2025).

В XX веке в психологии за понятием «привязанность» закрепилось вполне определенное значение и раскрывается оно в системе специальных научных терминов. Поведение привязанности изучалось в бихевиоризме как инстинктивное применительно к животным и маленьким детям (Harlow, 1958). В психоаналитической традиции акцент делался на компенсации тревоги вследствие родовой травмы и потребности в любви (Бурлакова, 2005). Отказавшись от ограничений своей школы, Дж. Боулби сделал привязанность центральным понятием своей теории, которая затем была развита М. Эйнсворт, П. Криттенден и в силу высокого объяснительного потенциала частично интегрирована разными психологическими направлениями (Боулби, 2003; Плешкова, (2010)). По сути, с первой половины прошлого века интерес к этому феномену неизменно реализуется с учетом положений данной концепции, в том числе и в смежных сферах познания; так, философ И. Бре (Бре, 2013) посвятил большую работу исследованию сущности привязанности (в том числе к богу). В отечественной психологии теория привязанности лишь отчасти соотносима с представлениями Л.С. Выготского (Трушкина, 2023) — в части приоритета социальных факторов в формировании психики ребенка, но входит в противоречие с базовыми принципами культурно-исторической школы и теории деятельности, отводя ведущую роль взаимной направленности и эмоциональной связи матери и ребенка. С отказом от господства единой методологии исследованию привязанности стало уделяться особое внимание, в том числе из-за активного роста психотерапевтических практик, для которых теория привязанности стала удобным конструктом при разработке методов коррекции поведения детей (Носкова, 2013; Смирнов и др., 1999). Такие работы сосредоточены на поведении привязанности, но механизмы ее формирования у младенцев наиболее убедительно раскрываются с привлечением физиологических и нейропсихологических познаний (Николаева, 2012). Последние годы появляются публикации о зрелой привязанности, установлена связь между типом привязанности и качеством социальной адаптации, ощущением безопасности у взрослых (Цветкова и др., 2022). Наряду с этим привязанность рассматривается и в биологических науках; так, были найдены ее гормональные корреляты у матерей новорожденных (Кельмансон, 2023). В настоящий момент теория привязанности рассматривается как системная — интегрирующая в себе этологический, психоаналитический подходы, теорию объектных отношений и когнитивной психологии (Плешкова, 2010). Это ее достоинство обуславливает и некоторую эклектичность, выступающую препятствием на пути ее «бесшовного» использования в областях науки, требующих жесткой методологической основы, к которым относится судебная психология. Отказаться же от научной традиции и сформировать собственное экспертное понятие привязанности в соответствии с запросами юристов представляется неоправданным.

Анализ базовых представлений теории привязанности позволит рассмотреть возможности ее пересечения с методологией и практикой КСППЭ. Для последователей Дж. Боулби привязанность является своеобразной отправной точкой, определяющей впоследствии восприятие мира и себя в этом мире, интеллектуальные способности и индивидуально-психологические особенности, устойчивые поведенческие стратегии. Она представляет собой систему эмоциональных и поведенческих реакций ребенка во взаимодействии с матерью, выступает как «стратегия самозащиты»; в зависимости от доступности и отзывчивости фигуры первичной привязанности формируются паттерны привязанности, качество которых задает внутреннюю рабочую модель привязанности. Основанное сначала на ощущениях и

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

эмоциях, установление связей между причинами и характеристиками взаимодействий, закрепляясь на уровне рефлексов, постепенно преобразуется в формирующиеся представления и мысли.

В динамической модели привязанности П. Криттенден акцент был смещен с приоритетной потребности ребенка в достижении безопасности и комфорта на избегание обратного, а привязанность приобрела динамические характеристики и проецируется на весь жизненный цикл. Влияние факторов оценивается комплексно с учетом реакций не только ребенка, но и матери в связи с ее особенностями (тревожность, чувствительность) и внешними факторами (темперамент младенца, разлучение с ребенком, материнский стресс), в том числе и социальными (низкая социальная поддержка, конфликты супругов, занятость родителей на работе с передачей ребенка в детское учреждение). Изначально три выделенные варианта привязанности превратились в сложную систему; небезопасные типы привязанности А (когнитивная, тревожно-избегающая) и С (эмоциональная, сопротивляющаяся) стали считаться условно безопасными (наряду с В) в сравнении с Д (дезорганизованной) (Плешкова, 2010).

При проекции теории привязанности на экспертную практику можно выделить как позитивные аспекты, так и дискуссионные, спорные. Сильной стороной методологии теории привязанности является широкий спектр критериев оценки поведенческих проявлений детей и родителей, обобщенные вариативные модели привязанности с проекцией их характеристик на последующее психическое развитие. Подход, основанный, прежде всего, на интерпретации наблюдений и соотнесении феноменологии с обобщенными моделями, постулирует качественные свойства привязанности и принципиальную невозможность ее количественного измерения. С этим солидарна и судебная психология, которая в рамках метода включенного наблюдения может взять на вооружение тонкие нюансировки и оценки внешних проявлений детей как показателей их психической жизни.

В некоторых случаях психолог может квалифицировать лишь паттерны привязанности. У подэкспертных, не достигших 3 лет, еще не сформировались сложные психические образования; у несовершеннолетних, имеющих психические расстройства, отставание или искажение психического развития, специфические условия воспитания (варианты гиперопеки и госпитализма) отмечаются факторы, препятствующие своевременному становлению их личностных структур. В экспертном процессе у таких лиц достаточно очевидны именно паттерны привязанности, в то время как у других они часто маскированы в силу экспертных установок, настраивания, опосредованности поведения. Целесообразно фиксировать и отражать в тексте заключения те важные для решения экспертных задач характеристики привязанности, которые можно установить, наблюдая за эмоциями, реакциями на необходимость разлуки с родителем для отдельной беседы с ребенком при индивидуальном обследовании взрослого и ребенка, дистанцией, телесным контактом, поисками поддержки и одобрения, невербальными проявлениями. В пробе на совместную деятельность малолетних детей с родителями на первый план обычно выступает привязанность к тому, с кем ребенок проживает, что существенно при соотнесении отношения к отцу и матери, и чаще всего проявляется в большей формальности взаимодействия с далеким близким (иногда в тревоге и страхе). Родители также могут реализовывать поведение привязанности с устойчивыми, не требующими текущего контроля проявлениями заботы (накормить, откликнуться на негативные эмоции, предупредить тревожащее развитие событий, подстраховать).

При этом важно понимать, что все реакции родителя, в том числе и не обращенные на ребенка, влияют на его привязанность — ребенок является невольным свидетелем конфликта и сдвигов в привычной семейной системе даже при разумной и сдержанной позиции взрослых, вследствие чего трансформируются его картина мира, представления о надежности и стабильности опорных фигур. При этом, с позиций психологии привязанности, надежная привязанность, если и была сформирована ранее, к моменту производства экспертизы может быть разрушена, поскольку это достаточно хрупкое образование и даже в благополучных семьях ее преобладание является условным (у половины детей выявляются ненадежные варианты).

Наряду с интересующими суд особенностями привязанности ребенка, при обследовании иногда в ходе уяснения особенностей воспитания в детстве, а также пробе на совместную деятельность могут неожиданно ярко проявляться паттерны привязанности родителей. Хотя обычно в отношении детей преобладает более сложная, но более осознаваемая система взаимосвязей; такие глубинные реакции информативны и подлежат анализу. Чаще всего в их основе лежат механизмы проекции собственных детских травм, проблем и переживаний, сохраняющих влияние на взрослую жизнь и взаимоотношения с собственными детьми. Они неконструктивны для воспитания, приводят к размыванию личных границ, формированию симбиотических отношений, изменению системы требований, ограничений и ожиданий по причине мнимой заботы (приписываемая болезнь, несостоятельность, исключительность ребенка). Иногда холодность и формальность при общении с ребенком обусловлены неразвитостью эмоций или внутренними барьерами в их выражении, идущими с малолетства, доминированием социальных долженствований над непосредственным откликом (игнорирование эмоций, чувства страха или голода; сосредоточенность на эксперте).

На паттерны привязанности помимо традиций семьи влияют детоцентрические установки, свойственные современным семьям, способствующие нивелированию собственных интересов и границ у части родителей. Имея социальную природу (малодетность, откладывание родительства), они часто приводят к неконструктивным вариантам родительской позиции. В структуре отношения к ребенку отмечается давление привязанности, опасное тем, что оно облекается в рациональную форму, оправдывает гиперопеку, авторитарность, директивность с высоким уровнем ожиданий от ребенка и игнорированием его индивидуальных потребностей и склонностей.

В некоторых случаях при пограничных формах инфантилизма у родителей обнаруживается слабая дифференциация семейных подсистем, дефицит сексуальной составляющей супружества и/или размывание ролевых функций; недостаточно рефлекслируемые привязанности доминируют в системе не в полной мере сформированных отношений с родными. Это ослабляет родительскую ответственность и прогноз, проявляется в повышенной значимости удовлетворения психофизиологических потребностей и недоучете социальных аспектов, редукции когнитивной составляющей с преобладанием слабо осознанных или иррациональных побуждений, созависимого поведения.

Представления психологии привязанности, таким образом, расширяют возможности фиксации и интерпретации феноменов детско-родительских отношений — по сути, первичных результатов, значимых для исследовательской части заключения. Однако для выводов эксперта методологическое и методическое обеспечение этой теории недостаточно. Так, сам механизм первичного формирования привязанности у младенца не находится в

фокусе внимания и принимается как данность. Апелляция к наличию представлений на основе интеграции собственного опыта у детей до 1,5 лет вызывает сомнения, поскольку у них нет еще интеллектуального потенциала для этого. Кроме того, несмотря на динамический подход, контингент обследуемых представлен почти только малолетними. Количество моделей привязанности и способность ребенка к их изменению оцениваются исследователями неоднозначно и связываются с особенностями условий и принципов его воспитания, ближайшим окружением, что затрудняет и так непростой для эксперта (опосредованно) и суда выбор варианта проживания.

Диагностика привязанности громоздка, трудозатратна и ненадежна. Так, до сих пор актуальна сложная, имеющая значительные возрастные ограничения, процедура эксперимента «Незнакомая ситуация» М. Эйнсворт. Она требует специальной подготовки и сертификации, но слабо защищена от субъективизма интерпретатора и социальной желательности со стороны взрослых. Имеющиеся опросники, направленные на оценку привязанности, невозможно выполнить достоверно без развитой рефлексии и искренности испытуемого, при этом их результаты являются поверхностными.

Другая проблема интеграции теории привязанности в судебную психологию обусловлена ориентацией последней на юридические запросы. С точки зрения закона, оба родителя имеют равные права и обязанности в отношении детей, и при решении судебных споров о воспитании ребенка именно с этих позиций поднимается вопрос о большей или меньшей его привязанности к матери или отцу. Однако традиционно и в силу природы, за исключением особых социальных условий, у малолетнего ребенка в качестве фигуры первичной привязанности выступает мать, это подтверждается практикой семейных экспертиз. Если малолетний ребенок проживает с одним из родителей, для второго (чаще отца) в ходе экспертизы априори существуют неравные условия при взаимодействии, иногда же дети, которых воспитывают преимущественно бабушки, испытывают дискомфорт с обоими родителями в ее отсутствие. Помимо прочего, встает сложная морально-нравственная дилемма — уступать ли ребенку в его привязанности, поскольку она может не совпадать с объективно благоприятными возможностями и личными ресурсами родителя для его воспитания. Или разрывать такую привязанность, нанося психическую травму ради перспективы создания более конструктивных отношений. Такая проблема экспертным путем решена быть не может. Представляется, что психолог чаще всего не имеет оснований для экспертной оценки отношений привязанности и отнюдь не всегда привязанность к кому-либо из родителей должна быть приоритетным критерием для определения места жительства ребенка, если она не подкрепляется другими факторами.

Вследствие всех этих обстоятельств при КСППЭ по судебным спорам родителей о воспитании ребенка отношения привязанности остаются на периферии. Первостепенные для психотерапевтических практик и коррекции детско-родительских отношений, они зачастую недоступны объективации в процессе экспертизы. Однако эксперту важно хорошо ориентироваться в базовых представлениях рассматриваемой теории, обладать умениями распознавать и оценивать проявления привязанности, подвергать их анализу на феноменологическом уровне и квалифицировать, когда они значимы для выводов.

С точки зрения методологии судебной психологии, у ребенка в процессе его развития связи с родителями не исчерпываются и не могут быть полностью раскрыты через понятие привязанности, хотя она и значима для системы отношений. Привязанность может

рассматриваться как базовый элемент любви ребенка к родителю, она также основывается на аффилиативной потребности, но ее качественные характеристики динамичны в онтогенезе, в процессе которого переживания привязанности транслируются через отношение — сложный эмоционально-поведенческий комплекс (Маркушонок, 2008).

Категория отношения. Понятие «отношение» в отличие от понятия «привязанность» является крайне обобщенной категорией и сопоставимо по своей универсальности с понятием деятельности. Оно используется как общеупотребительное слово в широком контексте, а также применительно к разным объектам в различных сферах познания — математике, философии, биологии, психологии. Его роднит с привязанностью указание на наличие взаимосвязи между величинами, явлениями, людьми, а также кажущаяся очевидность содержания. В русском языке это слово стало встречаться лишь со второй половины XVIII века и, что интересно, сначала как часть отглагольного предлога («в отношении...»), в XIX — преимущественно в научных трудах как самостоятельное существительное. Из его лексического состава вычленяется смысл «нести от себя», что опосредованно указывает на активную позицию субъекта отношения; у понятия много значений, которые раскрываются через слова «связь», «мнение», «характер поведения», «взаимозависимость» и др. (Словарь «Глаголь», 2025)². В психологии понимание отношения как психического взаимодействия организма со средой получило развитие в трудах В.Н. Бехтерева (Бехтерев, 1999), в XX веке оно стало ключевым в психологических представлениях об эмоционально-потребностных связях человека с окружающим миром (Басов, 1930; Лазурский, Франк, 1912). «Отношение» — центральное понятие в работах В.Н. Мясищева (Мясищев, 1960), отношение формируется личностью в процессе активности на основании многофакторного взаимовлияния внешнего объективного и внутреннего субъективного мира, что определяет его избирательность и разные уровни осознанности. Выделив когнитивный (включающий знания об объекте и их смысл), аффективный и конативный (волевой) компоненты отношения, В.Н. Мясищев настаивал на его целостности при интегрирующей роли личности, которая раскрывается через систему отношений, имеющую уровни и структуру, свойства пластичности, динамичности и устойчивости, а также функцию регуляции. Статус объяснительного принципа взаимодействия психики и среды с его крайней обобщенностью, многоаспектность и неоднозначность (эклектичность) понимания самой категории стали препятствием на пути типизации и классификации отношений на базе концепции В.Н. Мясищева. Однако в ее контексте данный термин широко использовался в работах отечественных психологов, преимущественно применительно к системе межличностных связей, как субъективная, пристрастная позиция индивида (Бодалев, 1995; Ломов, 1994). Последние десятилетия утилитарно-прикладные аспекты отношения были в центре внимания социальной психологии с акцентом на трудовые и экономические процессы, а также в семье (супружеские, детско-родительские, межпоколенные).

Вслед за Е.В. Левченко, выделившей три линии развития идеи отношения в психологии — логико-философскую, биологическую и интроспективно-психологическую (Левченко, 2003), В.П. Позняков провел ревизию данного понятия с современной позиции и с учетом вклада социальных наук (Позняков, 2017). По сути, можно констатировать размывание его содержания в процессе многочисленных исследований; при отсутствии четкой системы

² *Отношение*. [б. г.]. Словарь «Глаголь». URL: https://pervobraz.ru/slova/article_post/otnoshenie (дата обращения: 06.02.2025).

научных представлений о его свойствах и видах к нему апеллируют как к чему-то само собой разумеющемуся. Автор разделяет точку зрения на отношение как осознаваемое психическое явление, состояние сознания. Отношениям присущи свойства стабильности, устойчивости и в то же время динамичности, изменчивости. Регуляторная функция реализуется вследствие наличия потенциала установки благодаря избирательности отношения, выбору из альтернатив в процессе предпочтения/отвержения на фоне пассивности/активности позиции субъекта.

Особая роль наряду с когнитивным (наличие знаний об объекте) и поведенческим (готовность к определенным действиям) отводится эмоциональному (аффективному) компоненту отношения — центральному, стержневому. Первые два проявляются в суждениях и поступках, выражающих субъективную оценку объекта. Эмоциональный аспект психологического отношения (совокупность субъективных переживаний, эмоционально окрашенных мнений и оценок) труднее достоверно верифицировать, но именно он задает его валентность (нейтральное, позитивное, негативное, амбивалентное) и модальность. Кроме указанных, В.П. Позняков особо выделил роль ценностного компонента, обусловленного индивидуальной субъективной иерархией ценностей и раскрывающего личный смысл взаимодействия.

В рамках ресурсно-ценностного подхода В.П. Позняков (Позняков и др., 2009) предложил трехмерную модель отношения, виды которого определяются критерием оценок и составляют его модальности (по сути, смысл взаимодействия). Эмоционально-потребностные отношения базируются на осознаваемых и неосознаваемых потребностях личности (шкала «нравится—не нравится»). Рационально-целевые (деловые) отношения основываются на соотношении осознаваемых утилитарных потребностей субъекта и способности объекта их удовлетворить («выгодно — не выгодно»). При преобладании данного варианта модальности другой человек выступает в качестве объекта воздействия и ресурса достижения цели. Ценностно-смысловые (ценностные) отношения наиболее эмоционально заряжены, представляют собой оценку объекта отношения на основании своей собственной иерархии ценностей (шкала «значимо — не значимо для меня»; «приемлемо для меня — не приемлемо для меня»). Возможна различная выраженность каждой из модальностей психологического отношения. Доминирование деловой модальности задает им ресурсно-объектную направленность. При преобладании субъектно-ценностной ориентации партнер имеет право на свои интересы, потребности и мотивы, столь же существенные, как и собственные. Само взаимодействие в такой ситуации приобретает характер ценности. Человек может быть полезным, но не нравится, и наоборот. Данная модель позволяет раскрыть большую часть механизмов амбивалентного отношения, определяющегося противоречием оценок объекта по разным модальностям.

Обобщая многоаспектное содержание и варианты использования категории отношения как инструмента установления психологических взаимозависимостей, можно утверждать, что рассмотренная классификация отношений и единицы его анализа более других применимы в методологии КСППЭ. Безусловно, одной из осей отношения ребенка к родителям является градация «нравится — не нравится», изначально оно совпадает с привязанностью, представлено эмоционально-оценочной неосознаваемой составляющей, которая впоследствии переносится на более осмысленную взаимосвязь. Наряду с этим мать и отец являются для ребенка ресурсом удовлетворения базовых потребностей в безопасности, заботе, принятии, а затем индивидуальных личностно обусловленных желаний. Между этими составляющими может наблюдаться перевес: например, у некоторых детей вследствие потребительского

отношения выбор делается в пользу того взрослого, который может предоставить больше материальных благ или степеней свободы. Постепенно у ребенка формируется ценностное отношение к родителям — чем старше он становится, тем сложнее личностный смысл взаимодействия с ними. В то же время в условиях постоянного конфликта матери и отца ценностный компонент может быть редуцирован или искажен. У родителей обычно преобладает эмоциональная и ценностная составляющие в структуре их отношения к ребенку, однако у некоторых даже малолетние дети могут выступать также и ресурсом (например, получение дополнительных средств, способ самореализации). Однако данная трехмерная модель не исчерпывает все значимые для верификации детско-родительских отношений оси и единицы анализа.

При экспертном освидетельствовании и написании заключения детско-родительские отношения всесторонне могут быть представлены по качественным и количественным характеристикам, которые задаются смысловым полем данной категории. **Осознанность** отношения: полностью, частично; при полном отсутствии осознания, можно говорить только о привязанности. **Валентность**: позитивное, негативное, нейтральное, противоречивое, амбивалентное (несогласованное отношение в рамках одной модальности). **Модальность**: представленность и соотношение эмоциональной, утилитарной и ценностной составляющих. **Ролевая адекватность**: соответствие/несоответствие ролевым и функциональным критериям в семейной системе и ее подсистемах. **Самостоятельность**: независимое (сформировано на основании собственных представлений и опыта), частично зависимое (сформировано вследствие влияния других лиц и собственного опыта), несамостоятельное (при отсутствии или игнорировании собственного опыта под влиянием других лиц), индуцированное отношение. **Устойчивость**: устойчивое, динамичное (меняется в зависимости от объективных факторов); неустойчивое (колеблется по внутренним побуждениям и/или ситуативно). **Удовлетворенность субъекта**: удовлетворен, не хочет менять систему отношений; не удовлетворен, но не хочет иного; не удовлетворен, потребность в изменении. Дополнительные оси, которые приобретают смысл при крайне высоких или низких показателях. Выраженность: слабая, средняя, высокая, чрезмерная. Активность (проявления): высокая (влияет на все оценки и поведение), адекватная (проявляется избирательно и дифференцировано), низкая (пассивное отношение). Для малолетних детей и несовершеннолетних подэкспертных также осознанность и самостоятельность могут быть раскрыты с использованием критерия сформированности и механизма формирования.

В процессе экспертного исследования отношение, выступающее основой экспертного суждения, может быть выявлено лишь на основании качественного анализа всей совокупности полученных данных, квалифицируется системно, но на уровне экспертного понятия функционирует обобщенно. Вывод делается психологом с указанием на позитивное, негативное, нейтральное, противоречивое, амбивалентное отношение, которое в тексте заключения раскрывается по значимым осям классификации, что даст суду наиболее полные и дифференцированные представления о приоритетах ребенка для принятия и обоснования решения о месте его проживания.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить значимые для экспертного анализа аспекты категории привязанности и задать единицы экспертного анализа системы

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

детско-родительских отношений. Исходя из самых общих представлений психологии, содержание привязанности и отношения пересекается, но в то же время объяснительный потенциал их базируется на различных методологических подходах, что затрудняет их равноправную интеграцию в систему психологических понятий КСППЭ по судебным спорам родителей о воспитании ребенка. Привязанность не всегда доступна выявлению, сложна для операционализации, но феноменологически значима, когда ее проявления носят яркий характер; экспертный вес она приобретает, когда влияет на систему детско-родительских отношений. Наблюдения эксперта могут быть отражены в заключении, но в выводы выносятся, только если они не могут быть исчерпаны системной оценкой отношений (у малолетних и при специфических особенностях развития детей или родительской позиции взрослых). Категория психологического отношения на данном этапе развития науки адекватно встроена в теорию деятельности, системна, имеет взаимодополняющие оси оценки, которые могут продуктивно использоваться в качестве единиц экспертного анализа. Об отношении, как и о привязанности, возможно выносить лишь качественные суждения; выделение же типов привязанности в рамках КСППЭ нецелесообразно и малопродуктивно.

Список источников / References

1. Басов, М.Я. (1930). *Общие основы педологии*. М.; Л.: Гос. изд-во.
Basov, M.Ya. (1930). *General principles of pedology*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. (In Russ.).
2. Бехтерев, В.М. (1999). *Избранные труды по психологии личности. Том 2*. СПб: Алетея.
Bekhterev, V.M. (1999). *Selected works on personality psychology. Vol. 2*. Saint Petersburg: Aleteya. (In Russ.).
3. Бодалев, А.А. (1995). *Личность и общение*. М.: Международная педагогическая академия.
Bodalev, A.A. (1995). *Personality and communication*. Moscow: International Pedagogical Academy Publ. (In Russ.).
4. Боулби, Дж. (2003). *Привязанность*. М.: Гардарики.
Bowlby, J. (2003). *Attachment*. Moscow: Gardariki. (In Russ.).
5. Бурлакова, Н.С. (2005). *Детский психоанализ: Школа Анны Фрейд*. М.: Издательский центр «Академия».
Burlakova, N.S. (2005). *Child psychoanalysis: The School of Anna Freud*. Moscow: Akademiya Publishing Center. (In Russ.).
6. Бре, И. (2013). Привязанность (эрос и агапэ). *Философский журнал*, 2(11), 19—37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21010918> (дата обращения: 30.01.2025).
Brès, Y. (2013). Attachment (Eros and Agape). *Philosophy Journal*, 2(11), 19—37. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21010918> (viewed: 30.01.2025).
7. Лазурский, А.Ф., Франк, С.Л. (1912). *Программа исследования личности в ее отношениях к среде. Книга I*. М.: Русская школа.
Lazursky, A.F., Frank, S.L. (1912). *A program for the study of personality in its relations to the environment. Book I*. Moscow: Russian School. (In Russ.).
8. Ломов, Б.Ф. (1984). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. М.: Наука.
Lomov, B.F. (1984). *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

9. Кельмансон, И.А. (2023). Материнско-фетальная привязанность как естественный феномен беременности и формирования материнства. *Педиатрия, Consilium Medicum*, 1, 12—18. <https://doi.org/10.26442/26586630.2023.1.202127>
Kelmanson, I.A. (2023). Maternal-fetal attachment as a natural phenomenon of pregnancy and maternity development: A review. *Pediatrics. Consilium Medicum*, 1, 12—18. <https://doi.org/10.26442/26586630.2023.1.202127>
10. Маркушонок, О.В. (2008). Привязанность как базовый элемент любви ребенка к родителю. *Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психология и медицина*, 12, 98—102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16228406> (дата обращения: 30.01.2025).
Markushonok, O.V. (2008). Attachment as a basic element of a child's love for a parent. *Bulletin of Kurgan State University. Series: Physiology, Psychology and Medicine*, 12, 98—102. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16228406> (viewed: 30.01.2025).
11. Мясищев, В.Н. (1960). *Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека. Том 2.* М.: Изд-во АПН РСФСР.
Myasishchev, V.N. (1960). *The main problems and the current state of human relationship psychology. Volume 2.* (pp. 110—125). Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the Russian Soviet Socialist Republic. (In Russ.).
12. Николаева, Е.И. (2012). Привязанность как психологическая категория. *Народное образование*, 6, 221—228. URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2012-6/privyazannost-kak-psihologicheskaya-kategoriya-povedenie-roditeley-i-razvitie-rebyonka> (дата обращения: 30.01.2025).
Nikolaeva, E.I. (2012). Attachment as a psychological category. *Public Education*, 6, 221—228. (In Russ.). URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2012-6/privyazannost-kak-psihologicheskaya-kategoriya-povedenie-roditeley-i-razvitie-rebyonka> (viewed: 30.01.2025).
13. Носкова, Н.В. (2013). История и современное состояние исследований привязанности в отечественной психологии. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: «Педагогика. Психология»*, 2(29), 109—120. URL: <https://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/4/29/article/2166> (дата обращения: 30.01.2025).
Noskova, N.V. (2013). History and current state of attachment research in Russian psychology. *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 2(29), 109—120 (In Russ.). URL: <https://periodical.pstgu.ru/en/series/issue/4/29/article/2166> (viewed: 30.01.2025).
14. Плешкова, Н.Л. (2010). *Особенности привязанности у детей раннего возраста. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13.* Санкт-Петербургский государственный университет. СПб. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004709179> (дата обращения: 30.01.2025).
Pleshkova, N.L. (2010). *Peculiarities of attachment in young children: Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.13.* Saint Petersburg State University. Saint Petersburg (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004709179> (viewed: 30.01.2025).
15. Позняков, В.П. (2017). Психологические отношения человека: современное состояние исследований и перспективы развития концепции. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 2(2), 6—30. URL: <http://socioeconom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g17/t2-2/s17-2-01.html> (дата обращения: 30.01.2025).

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

- Poznyakov, V.P. (2017). psychological relations of a person: the present status of the research and prospects of the concept's development. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2(2), 6—30. (In Russ.). URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g17/t2-2/s17-2-01.html> (viewed: 30.01.2025).
16. Позняков, В.П., Вавакина, Т.С. (2009). Ценностные ориентации как фактор отношения российских предпринимателей к деловому партнерству. *Психология в экономике и управлении*, 1, 51—64. URL: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19727> (дата обращения: 30.01.2025).
Poznyakov, V.P., Vavakina, T.S. (2009). Valuable orientations as the factor of the relation of the Russian businessmen to business partnership. *Psychology in Economics and Management*, 1, 51—64. (In Russ.). URL: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19727> (viewed: 30.01.2025).
 17. Русаковская, О.А., Леонов, Н.Р., Ильина, О.Ю. (2008). Психолингвистическая структура слова «привязанность» в контексте судебно-медицинской экспертизы. В: *23-й Всемирный конгресс Международной ассоциации детской и подростковой психиатрии и смежных профессий. Прага, Чешская Республика* (с. 80). <https://doi.org/10.13140/rg.2.2.33942.01608>
Rusakovskaya, O.A., Leonov, N.R., Ilyina, O.Ju. (2008). Psycholinguistic structure of the word “affection” in reference to forensic custody evaluation. In: *23 World Congress of the International Association for Child and Adolescent Psychiatry and Allied Professions. 23-27 July 2018 Prague Czech Republic* (p. 80). (In Russ.). <https://doi.org/10.13140/rg.2.2.33942.01608>
 18. Сабельникова, Н.В. (2008). Методы исследования привязанности в процессе возрастного развития в современной зарубежной психологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 3, 36—47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12864580> (дата обращения: 30.01.2025).
Sabelnikova, N.V. (2008). The Measurement of Attachment across Lifespan Development in Modern European and American Psychology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, 3, 36—47. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12864580> (viewed: 30.01.2025).
 19. Сафуанов, Ф.С. (2014). *Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата*. М.: Юрайт.
Safuanov, F.S. (2014). *Forensic psychological examination: a textbook for academic baccalaureate*. Moscow: Yurayt Publishing House. (In Russ.).
 20. Смирнова, Е.О., Радева, Р. (1999). Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттенден). *Вопросы психологии*, 1, 52—68. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1999/991/991105.htm> (дата обращения: 06.02.2025).
Smirnova, E.O., Radeva, R. (1999). The development of attachment theory (after P. Crittenden) (resume). *Voprosy Psichologii*, 1, 52—68. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1999/991/991105.htm> (viewed: 06.02.2025).
 21. Трушкина, С.В. (2023). Сравнительный анализ подходов Л.С. Выготского и Дж. Боулби к развитию ребенка на первом году жизни. *Культурно-историческая психология*, 19(3), 39—46. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190305>
Trushkina, S.V. (2023). The Approaches of L.S. Vygotsky and J. Bowlby to Infant Development: the Comparative Analysis. *Cultural-Historical Psychology*, 19(3), 39—46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2023190305>

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

22. Цветкова, Н.А., Кисляков, П.А., Володарская, Е.А. (2022). Надежная привязанность как фактор нервно-психической адаптации и субъективной психологической безопасности студентов в условиях пандемии COVID-2019. *Сибирский журнал естественных наук и сельского хозяйства*, 14(1), 351—379. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-1-351-379>
Tsvetkova, N.A., Kislyakov, P.A., Volodarskaya, E.A. (2022). Neuropsychic adaptation and subjective psychological safety of students in the context of the COVID-19 pandemic. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 14(1), 351—379. (In Russ.). <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-1-351-379>
23. Harlow, H.F. (1958). The nature of love. *American Psychologist*. 13(12), 673—685. <https://doi.org/10.1037/h0047884>

Информация об авторах

Ольга Феликсовна Савина, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psyhol1@yandex.ru

Information about the authors

Olga F. Savina, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher of Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psyhol1@yandex.ru

Вклад авторов

Савина О.Ф. — идея исследования, теоретический анализ, написание, оформление и окончательное редактирование рукописи.

Contribution of the authors

Olga F. Savina — the idea of research, theoretical analysis, writing, design and final editing of the manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 06.02.2025
Поступила после рецензирования 13.02.2025
Принята к публикации 26.02.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025 02.06
Revised 2025 02.13
Accepted 2025 02.26
Published 2025 06.30